

УДК 94(47).073

ТЕМА ПОЛЬШИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ М.П. ПОГОДИНА (50-е годы XIX в.)

© 2010 г.

Р.Е. Стайцов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

rs52@mail.ru

Поступила в редакцию 07.10.2010

Анализируются взгляды на польский вопрос в 50-е гг. XIX в. известного историка М.П. Погодина. Польский вопрос, или «роковой вопрос», как его называли в российской прессе, представлял в середине XIX в. для русских панславистов и Погодина, как яркого представителя этого идейно-политического течения, серьезную дилемму. С одной стороны, если панслависты стали бы поддерживать любое действие России в отношении применения силы на территории Польши, они были бы дискредитированы в глазах других славян. С другой стороны, в их глазах Польша поддерживала практически все, что было несовместимо с панславистской доктриной. Фигура Погодина интересна тем, что, с учетом текущих общественно-политических тенденций, историком предлагались тщательно продуманные и одновременно утопичные варианты решения проблемы.

Ключевые слова: М.П. Погодин, польский вопрос, панславизм, славянский союз, независимость, самоуправление, западные губернии.

Польский вопрос притягивал к себе известного историка М.П. Погодина (1800–1875) на протяжении нескольких десятилетий. Подходя очень тщательно к возможным вариантам решения противоречий России с Польшей, Погодин рассматривал проблему исторически, выделял ключевые узлы в современности, прогнозировал ход событий в будущем, всегда предлагая решение как геополитических, так и просветительских задач. В связи с этим польский вопрос представлялся многогранным в понимании историка. Уровень же его публицистической активности напрямую зависел от степени сложности положения в Польше.

События в Польше в 1830–1831 гг. способствовали появлению первого опыта политической публицистики с тщательным историческим анализом, которая принесет Погодину известность в дальнейшем. В своей первой статье по польскому вопросу «Исторические размышления об отношениях Польши к России» [1, с. 1–10] – «блистательном образце ранней имперской публицистики» [2, с.167], историк развивал два тезиса [3, с.125]. Первый – признание законности приобретений России во время разделов Польши, когда были «возвращены те страны, которые принадлежали искони». Второй тезис – Россия и Польша соединились между собой «по закону высокой необходимости для собственного и общего блага». Еще только становясь одним из ключевых направлений в публицистике историка, польская тематика, тем не менее, задает импульс последующим иска-

ниям Погодина, прежде всего в годы Крымской войны и в период восстания 1863 г.

Панславистские взгляды, активно формировавшиеся у Погодина в 30–50-е гг., способствовали и более четкому представлению об отношениях России и Польши. В своих отчетах министру народного просвещения Уварову о путешествиях по славянским местам в 1839 г. и в 1842 г. Погодин рекомендовал престолу встать на путь предоставления Польше культурной автономии, не ограничивая, а с помощью просвещения поощряя развитие ее языка, истории, культуры [4, с. 29].

В 50-е годы XIX в. Крымская война взбудоражила общественную мысль России. 1853–1856 гг. оказались чрезвычайно плодотворными и для Погодина. Его публицистическая деятельность в этот период увенчалась созданием общественно-политической программы, в которой нашли место панславистские воззрения историка, его взгляд на внешнюю политику России, оценка внутреннего положения страны, практические рекомендации по выходу из кризиса и др. Не был обойден вниманием и польский вопрос, которому были посвящены три статьи Погодина: две в 1854 г. и одна в 1856 г.¹

Крымская война, вызвавшая либеральное движение в России и обнаружившая целый ряд проблем, не повлекла непосредственно за собой реформ в Польше. Система управления Польшей осталась неизменной, но русское правительство было вынуждено ужесточить режим, поскольку опасалось взрыва национально-осво-

бодительной борьбы в Варшаве. «Между тем, в 1853–1856 гг. польский вопрос выдвигался на очередь в числе международных вопросов Европы» [5, с. 80].

В начавшейся войне Погодин видел исполнение самых сокровенных своих желаний, поскольку «с молодых лет был долго отчаянным панславистом» [4, с. 4]. Целью панславистских мечтаний историка являлось создание общеславянского союза, со столицей в Константинополе и Россией во главе. Однако, разработав программу создания союза, Погодин встречает на своем пути преграду – Польшу, которая никак не вписывается в рамки нового объединения. Это явилось поводом для написания в мае 1854 г. статьи «Письмо о Польше», в которой Погодин пытается найти выход из сложившегося положения. «Если должен существовать славянский союз, то мы должны отказаться от Польши, которую даже физически нельзя исключить из него. А для чего нам держать ее при себе? Это болезнь на нашем теле. Это одна из причин европейской ненависти к России. Ни один русский человек не желал никогда этого приобретения, ни один русский Государь не искал его» [1, с. 36].

Погодин, увлеченный своей идеей объединения славян под эгидой православного государя, прогнозирует два возможных варианта развития внешнеполитической ситуации для России: либо – создание грандиозного союза, либо – сохранение объединения с Польшей. «Россия должна была терпеть при себе Польшу как необходимое зло, а если теперь открывается благоприятная минута обратить это зло в добро, стереть с себя пятно, наложенное временем, обстоятельствами, а больше всего самими поляками, то чего желать лучше? Не прочнее ли быть во главе двадцати дружеских государств, нежели питать у своей груди одно враждебное? Обмен кажется выгодный!» [1, с. 36].

Кроме того, Погодин даже прорабатывает возможные будущие варианты существования Польши. «Но может ли Польша существовать особо? Рассматривая внимательно, хладнокровно и беспристрастно историю Польши, чувствуешь, что она особо существовать не может». Отметив две особенности Польши как суверенного государства («страна пограничная», но с «преобладанием чувства независимости»), Погодин «дарует» ей свободу, но в то же время не сомневается, что она сама примкнет к славянскому союзу. «Пусть существует Польша! Свободу дадим мы полякам за их к нам слепую ненависть. Наслаждаются пусть они ею как хотят, до тех пор, пока не пожелают сами теснейшего союза с нами» [1, с. 39].

Высказавшись так решительно за отделение Польши, Погодин предлагает свой вариант того, в каких пределах может быть восстановлена Польша, не забывая при этом об исконных территориях России. «Ответ самый верный и справедливый: в пределах польского языка. Где говорят по-польски, там и Польша, точно так, как Россия там, где говорят по-русски. В областях со смешанным населением Погодин рекомендует престолу сделать следующее: «скупите имения польских помещиков или променяйте их на русские имения в Польше, чтобы не осталось русского духа в Польше, точно как польского в России, пока эти два племени не поймут, что им полезнее соединиться опять и составить одно целое» [1, с. 40].

Необходимо отметить, что идея создания славянского союза получила достаточно широкое распространение в русском обществе середины XIX века, причем некоторые ее трактовки были отличны от представлений Погодина.

Так, например, Кирилло-Мефодиевское общество предлагало следующий вариант. В отличие от Погодина, выделявшего в будущем союзе особую роль России, предусматривалось создание такой федерации, где бы все славянские народы были равноправными членами, подчеркивалась лишь особая роль Украины в этом процессе. Целью федерации объявлялась борьба за свободное социальное и национальное развитие славян, независимых как от Запада, так и от Востока. В связи с этим иначе понимались и условия присоединения Польши: «несмотря на попытки польского дворянства поработить Украину, она в будущем могла бы, как считали кирилло-мефодиевцы, соединиться в федерации с Польшей, так как между ними существует племенное родство, но это могло бы произойти только после изгнания дворянства и иезуитов, проводилась грань между польским дворянством и широкими народными массами, польское освободительное движение рассматривалось как союзник» [6, с. 143].

Свой вариант решения польского вопроса через призму славянского союза позднее был предложен Н.Я. Данилевским, считавшим, что проблема Польши «не может получить окончательного решения вне общего решения всех славянских вопросов» [7, с. 377]. И если Погодин вполне допускает существование Польши вне славянского союза (тем не менее, надеясь на ее присоединение к нему), то Данилевский более категоричен в своих взглядах. «Счастливая судьба может открыться для Польши и поляков не иначе, как при посредстве Всеславянской федерации. В качестве члена союза, будучи са-

мостоятельна и независима, в форме ли личного соединения с Россией или даже без оно, она была бы свободна только во благо, а не во вред общеславянскому делу. Силы Польши были бы в распоряжении союза; а всякое действие ее против России было бы действием не против нее только, а против всего Славянства (одну из составных частей которого она сама бы составляла), было бы, следовательно, изменою против самой себя» [7, с. 382].

Поражение России в Крымской войне стало тяжелым ударом для Погодина. Положение дел в Европе после Парижского мира рушило все его планы по созданию славянского союза во главе с Россией. Это не могло не отразиться и на отношении историка к польскому вопросу. В конце 1856 г. им была написана «Записка о Польше», которую смело можно охарактеризовать как программную и являющуюся ключевой для понимания взглядов Погодина на польский вопрос в рассматриваемый период.

Свою очередную историко-политическую записку Погодин сопроводил письмом к самому Александру II: «Осмеливаюсь повергнуть теперь на Ваше усмотрение мысли, внушенные преданностью» [8, с. 49]. Однако Погодин жестоко обманулся в своих надеждах на успех. Записку свою он отправил через секретаря великого князя Константина Николаевича А.В. Головнина, от которого вскоре получил два весьма неутешительных письма. Суть ответных писем Головнина такова: «В наше время много можно сделать хорошего, но все же размеры этого хорошего будут микроскопические сравнительно с тем, о чем вы мечтаете. Мы в состоянии поднять фунт, вынести комнату, а вы хотите, чтоб подняли миллион пудов и вычистили бы все здания Российской Империи, и сердитесь, когда это не делаем. Его Высочество вовсе не разделяет изложенных в вашей статье мыслей» [8, с. 51].

Какие же мысли консерватора Погодина могли вызвать неодобрение?

Свою статью Погодин начал с рассмотрения международного положения России, прогнозируя несколько вариантов развития событий: во-первых, падение режима Наполеона III и «распространение такого пожара в Европе, что небу будет жарко»; во-вторых, Парижский мир – «временное перемирие, вызванное усталостью, а Франция и Англия, отдохнув и собравшись со свежими силами, грянут на нас снова»; в-третьих, «возникновение европейской войны, вследствие новых столкновений». По мнению Погодина, во всех этих случаях Польша делается «нашею пяtkою открытою, ядом, напоен-

ным вражескими стрелами, пяtkою, через которую огонь может разлиться по всему организму: на Польшу, следовательно, необходимо обратить нам великое внимание» [1, с. 50].

Рассмотрев возможные варианты, Погодин высказывает еще один, наиболее, по его мнению, вероятный: Европа останется надолго *in status quo*, поэтому главное внимание должно быть уделено настоящему положению, которое рисуется историком мрачными красками. «Россия находится политически в самом унижительном и позорном положении, в каком она со времени Петра Великого не находилась никогда. Она упала с высоты своего величия и очутилась вдруг среди держав второклассных. Господи! До чего мы дожили! Стыд, срам и поношение!» [1, с. 51].

«Что же нам делать?» – задает Погодин извечный русский вопрос, и сам же на него отвечает, предлагая свою программу антикризисных мер. Восстановить репутацию великой державы Россия могла бы победоносной войной со своими обидчиками. Этот путь Погодин отвергает сразу же, поскольку «мы не готовы ни для какой войны: запасы наши истощены, все средства поражены. Дипломатия? Дипломатия может действовать успешно, когда ей есть на что опереться» [1, с. 53].

Ключевыми шагами по выходу из сложившейся ситуации, по мнению историка, должны стать перемены в польском вопросе. «Средство, сильнейшее, выйти нам из настоящего положения должна, по моему мнению, доставить Польша. Польша была для России самою уязвимою, опасною пяtkою: Польша должна сделаться крепкою ее рукою» [1, с. 54]. Считая, что нельзя ограничивать свободу другой страны, пока в России не решатся внутренние проблемы, Погодин выступает за наделение поляков правами на самоуправление, что позволит излечить все болезни России. «Дайте ей особое, собственное управление. Оставаясь в нераздельном владении с империей Российской, под скипетром одного с ней государя, с его наместником, пусть управляется Польша сама собою, как ей угодно, соответственно с ее историей, религией, народным характером, настоящими обстоятельствами» [1, с. 55]. Эта акция поднимет авторитет России среди славян, которые не оказали ей помощи во время Крымской войны, потому что «не любили нашего грубого самоуправления» и из опасения «менять одно иго на другое». Как видно, Погодин еще верит в воплощение своих панславистских мечтаний: «все прочие славяне, живя рядом со счастливой, самоуправляющейся Польшей, захотят себе, ра-

зумеется, такого же простора, – и вот нас сто миллионов» [1, с. 56].

Далее Погодин определяет плюсы для России в предоставленной Польше автономии. Положительного в этом, на его взгляд, очень много: во-первых, «Россия, огражденная дружественной Польшей, становится безопасной от всяких западных нападений»; во-вторых, «с бесконечными силами делается опять страшною Западу»; в-третьих, «предоставление Польши самой себе есть искупление великого Европейского греха (не нашего), которое не может остаться без вознаграждения, это такое святое дело, которому и ангелы на небесах возрадуются»; в-четвертых, «Россия теряет только ненависть Польши, которая связывала ее во всех действиях, и получает любовь, без малейшего для себя ущерба» [1, с. 56].

Погодин заранее продумывает и ответы на возражения, которые, несомненно, последуют в его адрес. Возможное замечание о том, что поляки, по своему характеру, не будут довольствоваться своей свободой, а пожелают новых границ, Погодин парирует своим тезисом, высказанным еще в 1854 г. «Это возражение не имеет теперь смысла: если мы добровольно отказываемся теперь от новых своих завоеваний, коими владеем, то, разумеется, поляки не могут спрашивать у нас старых своих завоеваний, кои давно потеряны ими. Где говорят по-польски, там Польша, где говорят по-русски, там Россия» [1, с. 57]. Ключевой вопрос о западных губерниях Погодин разрешал в «довольно мягком варианте» [2, с. 171]. «Мы, русские, отказываемся от всяких прав завоевания, выходим, так сказать, из Царства Польского, нами приобретенного, точно так же должны бы даже выйти и поляки из западных наших губерний» [1, с. 58]. Тем, кто предположит, что пример Польши будет заразителен для России и со временем она захочет таких же учреждений, которые изберет себе Польша, Погодин отвечает так. «Это возражение могут делать только люди близорукие и незнакомые с историею. Россия испокон веков жила рядом с Польшей, и между тем в Польше господствовало *liberum veto*, а Россия кланялась беспрекословно Ивану Васильевичу Грозному. У нас другой характер, другая кровь, другая история» [1, с. 59].

Отметим, что в «Записке о Польше» Погодин не ограничивается общими рассуждениями, а обозначает целую программу так называемых «предварительных мер», осуществление которых, как ему казалось, могло бы приблизить осуществление его проекта «автономной Польши в пределах польского языка», т.е. без запад-

ных губерний, которые он предлагает деполонизировать. В числе таких мер: «приглашение всех польских эмигрантов в отечество без всяких ограничений; возвращение всех поляков, сосланных за политические преступления, без исключения; создание национальной армии; подготовка учреждения университета в Варшаве или пяти факультетов в разных городах Польши; устройство железных дорог (в Россию, Познань, на Север); установление свободы книгопечатания, возвращение книг из Императорской Петербургской библиотеки, обмен по взаимному соглашению книгами, нужными Польше и России; и.т.д.» [1, с. 59]. Затрагивает Погодин и сферу государственного управления, предлагая прежде всего разобраться с «размещением чиновников»: чиновники русские должны будут покинуть Царство Польское, но, так как в самой России служит не менее, а может и более, польских чиновников, то они могут обменяться местами или оставаться на своих местах до срока, до эмеритуры (т.е. выхода на пенсию), «с постановлением, чтобы впредь все места, как там, так и здесь, замещались туземными чиновниками» [1, с. 57].

Погодин предлагает также вернуться к системе «сеймиков и сеймов в том виде, в каком застало их первое деление» (т.е. первый раздел Польши). Именно на этих сеймах поляки «должны будут учредить избираемый ими образ правления во всех подробностях и частностях и представить на утверждение царское» [1, с. 60].

Согласно современным представлениям о федеративном устройстве государств и о правовом статусе его структурных единиц, Польша получила бы национально-территориальную автономию. Под идеями, предложенными Погодиным в «Записке», подразумевалось предоставление отдельной части государства, населенной преимущественно представителями национального меньшинства, определенной самостоятельности в решении вопросов внутренней жизни. «Данный вид автономии распространяется не только на административную, но и на культурно-языковую сферу. Национально-территориальная автономия имеет свою систему самостоятельно формируемых органов (исполнительных и законодательных), действующих, однако, под надзором центральных органов власти; ее Устав устанавливается либо утверждается общегосударственным законом, а автономные законы могут быть отменены центральными органами, если они противоречат общегосударственным интересам» [9, с. 17].

Подобная программа Погодина, по мнению современного исследователя А.А. Шириняца,

выглядела для своего времени сверхлиберальной и новаторской [10, с. 154]. И действительно, она предваряла замыслы, начавшие оформляться в окружении Н.А. Милютина лишь в конце 1850-х гг. По крайней мере, даже подчеркнута либеральная версия деполонизации западных губерний, сформулированная в записке 1859 г., составленной Б.Н. Чичериным, предполагала, во-первых, превращение Царства Польского в независимую монархию – младшего партнера России, «под скипетром одного из младших сыновей» императора России; во-вторых, переселение польских помещиков в «обновленную Польшу, куда их будет влечь национальное чувство»; в-третьих, привлечение на их место русских людей» [11, с. 317].

На наш взгляд, точка зрения, высказанная Ширинянцем, справедлива лишь отчасти. Либеральный вариант решения польского вопроса, предложенный Погодиным в «Записке», имеет прямые аналогии с политикой в Царстве Польском императора Александра I в первой четверти XIX в.

В 1815 г. в Варшаве Александр I подписал польскую конституцию, согласно которой русский царь делался польским королем с полной исполнительной властью, а законодательная власть должна была осуществляться королем совместно с двухпалатным сеймом. Сейм получал право принимать или отвергать законы, предлагаемые правительством. Разработка законов предоставлялась польскому Государственному совету; текущее управление – пяти комиссиям-министерствам: юстиции, военной, внутренних дел и полиции, финансов, вероисповеданий и народного просвещения. Граждане получали политические права, ограниченные умеренным цензом, и ряд гражданских свобод: неприкосновенность личности, свободу печати, независимость суда. Господствующей религией на территории страны объявлялось католичество при широкой терпимости к другим конфессиям. Делопроизводство велось на польском языке. В Варшаве был открыт университет. Была организована собственная армия. Польская конституция на тот момент была одной из самых радикально-либеральных [12, с. 259] в Европе, а ее наличие создало в Российской империи беспрецедентную политическую ситуацию. Являясь абсолютным монархом большей части своих владений, где никакой конституции не существовало, император Александр одновременно был и конституционным монархом на отдельно взятой территории – ситуация двусмысленная, очевидно недолговечная и обреченная на неизбежный пересмотр.

Как видно, «предварительные меры», предложенные Погодиным, во многом дублировали задуманное Александром I, а значит, предположение о новаторстве идеи историка выглядит поспешным. Тем не менее вариант решения польского вопроса, предложенный Погодиным, еще во времена восстания 1830 г. считавшего, что поляки в период правления Александра I «были едва ли не счастливее всех своих предков» [1, с. 6], не был слепой копией всего того, что Александр Павлович намеревался осуществить в Царстве Польском.

Учреждение конституции и, в особенности, программная речь императора в марте 1818 г., посвященная открытию сейма, вызвали бурные отклики среди соотечественников. Александр I, по сути, впервые открыто адресовался к русскому обществу, выражая намерение в скором будущем «распространить» конституционные учреждения, существующие в Царстве Польском, на российские территории. Одновременно тронная речь содержала и обращение к полякам. Вслед за констатацией «успехов», достигнутых ими на поприще конституционного управления, император отчетливо дал понять, что его обещания относительно расширения границ остаются в силе. Поляки мечтали о восстановлении Польши «от моря до моря» и возвращении «отторгнутых территорий» – и император намекал на возможность этого.

В среде консерваторов реакция на польскую политику Александра была резко негативной. Н.М. Карамзин адресовал императору патристически окрашенное «Мнение русского гражданина» (1819). «Никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России. Восстановление Польши будет падением России» [13, с. 438].

Погодин в последних строках своей «Записки» отмечает следующее: «Историк русский, друг отечества и человечества, Карамзин заклинал покойного императора Александра I отказаться от мысли о восстановлении Польши, опасаясь за Россию. Прошло почти пятьдесят лет. Обстоятельства переменились. Наступил новый век с новыми мыслями, видами и требованиями. То же чувство любви к отчеству и человечеству побуждает и меня, служителя той же истории, умолять Государя Императора о восстановлении несчастной Польши в пределах родного ей языка, отнюдь не в пределах 1772 года, на которые восставал Карамзин, отнюдь

не с нашими западными губерниями – на пользу и славу России. Новое воззрение не разнится от Карамзинского, время примиряет и соединяет их воедино» [1, с. 60].

Таким образом, во многом повторяя в своей «Записке» составляющие конституции 1815 г., симпатизируя политике Александра I, Погодин, тем не менее, вопрос восстановления Польши рассматривал в отличном от намерений императора ключе – исключительно в пределах родного языка. Своеобразие взглядов Погодина на польский вопрос заключается еще и в том, что, по большому счету, проектируемое Погодиным «восстановление несчастной Польши в пределах ее родного языка» внутренне противоречиво: историк стремится отправить поляков в Польшу – в то же время союз России и Польши ведет к тому, что «не все ли равно жить Поляку в пределах Русской империи или Русскому в пределах Царства Польского, по доброй, разумеемся, воле?» [1, с. 58]. Погодин стремится предоставить полякам самостоятельность – однако это неполная самостоятельность, поскольку образ правления, выбранный поляками, утверждается императором России: «необходимость царского утверждения оставит всегда Государю свободу действия по усмотрению, если бы случилось что-либо противное его благим намерениям и вредное для России, а 60 миллионов всегда сладят с четырьмя» [1, с. 60].

Будучи не услышанным престолом в годы Крымской войны, Погодин в 1859 г. пишет статью «Польша и Россия», где, оценивая международную обстановку, высказывается за необходимость более тесных контактов между Россией и Польшей. Вопрос же о возможной автономии Царства Польского отходит на второй план. «Европа накануне великих потрясений и великих переворотов. В ожидании неминуемой грозы Россия и Польша должны сблизиться между собой как можно теснее, должны составить одно дружное целое. Насильственное, случайное соединение должно претвориться в любовное, разумное. Одной Польше на своей равнине, между Пруссией, Австрией и Россией, существовать если и возможно, то трудно, невыгодно, опасно. Так распорядилась география, так помогла история» [1, с. 62].

Период 50-х гг. XIX в. имеет большое значение для понимания изменений во взглядах Погодина на польский вопрос. В 1854 г., отношения России со своей западной провинцией рассмотрены историком через призму панславистских убеждений. Создание славянского союза видится ему гораздо более привлекательным вариантом, чем объединение с Польшей, кото-

рую необходимо отделить от себя и возратить ей политическую самобытность в пределах польского языка. Будущее России кажется Погодину грандиозным, а значит, Польша сама попросится в счастливую коалицию славян [1, с. 40].

После Парижского мира, означавшего крах России в Крымской войне, Погодин в «Записке о Польше», отходя от идеи славянского союза, предлагает план по предоставлению Польше национально-территориальной автономии. Любопытно, что Погодин «соглашался» даже на свободу вероисповедания поляков (что не допускалось им ранее) и на возможность возрождения института сеймов.

Для М.П. Погодина всегда было характерно сочетание трезвого и расчетливого ума с мечтательностью, учет всех обстоятельств дела с утратой представлений о реалиях, рассудочных поступков с непредсказуемыми действиями. «Записка о Польше» в полной мере отражала эти особенности его характера. Через несколько лет (в 1863 г.) историк публично признал, что многое из того (в частности, вопрос о западных губерниях), что он представил в этой записке, было мечтой.

В 1859 г. взгляды Погодина на польский вопрос снова заметно меняются. Историк отказывается от идеи самоуправляемой Польши, ратуя за более тесный союз двух народов как единственно возможный способ существования и выживания в сложившейся геополитической обстановке.

50-е гг. XIX в. историк провожал мрачными предчувствиями по поводу разрешения русско-польских недоразумений, ожидая беды.

Примечания

1. Заметим, что первоначально статьи вошли в сборник «Польский вопрос», изданный в 1867 г. и объединивший всю публицистику историка по данной тематике. Часть статей «Польского вопроса», освещающая события с 1856 г., была опубликована посмертно в 1876 г. в сборнике «Статьи политические и польский вопрос». В 1874 г. были изданы «Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны», вошедшие в 4-й том собрания сочинений. По решению Погодина, последней по хронологии и включенной в сборник стала статья «По прочтении трактата», датированная 1856 г. Любопытно, что «Записка о Польше», написанная историком в конце ноября 1856 г., всецело примыкающая к проблемам Крымской войны и освещающая текущую политическую ситуацию в России и Европе после Парижского мира, в данное собрание статей не вошла. Вероятно, таким жестом Погодин свою «Записку о Польше» стремился выде-

лить в отдельный политический памфлет, символизирующий новую, послевоенную веху в истории России, Польши и всей Европы.

Список литературы

1. Погодин М.П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний М.П. Погодина. 1831–1867. М., 1867. 236 с.
2. Бачинин А.А. Россия и Польша в историко-политической публицистике М.П. Погодина // Балканские исследования. Российское общество и зарубежные славяне. XVIII – нач. XIX в. М., 1992. Вып. 16. С. 167–179.
3. Стайцов Р.Е. М.П. Погодин и польское восстание 1830–1831 гг. // Платоновские чтения: материалы и доклады XIV Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 2008. С. 124–127.
4. Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856 // Сочинения. М., 1874. Т. IV. 323 с.
5. Студницкий В. Польша в политическом отношении от разделов до наших дней. СПб., 1908. 169 с.
6. Хи-Сок Д. Погодин и Кирилло-Мефодиевское общество 30–50-х гг. о славянском единстве (сравни-

тельно-исторический анализ) // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 133–153.

7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М.: Эксмо, 2003. 428 с.
8. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1901. Кн. 15. 522 с.
9. Ульянищев П.В. Автономия как конституционно-правовая гарантия прав народов в многонациональном государстве. Автореферат дис. ... канд. юр. наук. М., 2009. 30 с.
10. Ширинянц А.А. Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М.: Русский Мир, 2008. 412 с.
11. Чичерин Б.Н. Об общих началах европейской политики и в особенности о внешней политике России // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах. XVII–XX вв. Альманах. М., 2004. Вып. XIII. С. 315–320.
12. Бокова В.М. Польский вопрос в России в 1815–1830-х годах // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация. М., 2007. С. 259–279.
13. Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М., 2002. 478 с.

THE THEME OF POLAND IN M.P. POGODIN'S POLITICAL ESSAYS (1850s)

R.E. Staitsov

The author analyzes the famous Russian historian M.P. Pogodin's position on the Polish question in 1850s. The Polish question – the «fatal question», as it came to be called in the Russian press – confronted Russian Pan Slavists and Pogodin, an impressive representative of this political movement, with a serious dilemma. On the one hand, if Russian Pan Slavists supported any Russian rule of force in Poland, they would be discredited in the eyes of the other Slavs. On the other hand, in their eyes, Poland supported almost everything that was incompatible with the Pan Slavist doctrine. Pogodin's figure is interesting because, given the socio-political trends of mid-nineteenth century, he proposed the solutions to the problem that were at the same time elaborate and utopian.

Keywords: M.P. Pogodin, Polish question, Pan-Slavism, Slavic Union, independence, self-government, western provinces.